АЗИЯ 04.10.2022 | Герберт Вульф

Верхом на бомбе

Ядерным ударом угрожает не только Путин. Новый северокорейский закон о применении ядерного оружия повышает опасность эскалации.

Война в Украине и повышенное внимание к ней в СМИ отодвинули на задний план конфликт, связанный с ядерными амбициями Северной Кореи. А правительство в Пхеньяне многие годы неуклонно работает над продвижением своей программы. После многочисленных ракетных испытаний в начале этого года Верховное народное собрание КНДР приняло закон «О политике ядерных вооруженных сил Демократической Народной Республики Корея», сообщило 8 сентября государственное англоязычное информационное агентство KCNA. Прежде всего в этом законе заслуживает внимания положение о том, что в случае конфликта, если Северная Корея почувствует угрозу, глава государства Ким Чен Ын может отдать приказ о нанесении ядерного удара «автоматически и непосредственно» «для уничтожения сил врага».

Примечательно, что диктатору предоставляется фактически неограниченная власть. До сих пор так было и во всех других значимых областях внутренней и внешней политики. Правда, в законе говорится, что ядерное оружие будет применяться как средство сдерживания, но заявление о возможности нанесения первого ядерного удара как средства, гарантирующего дальнейшее существование северокорейского общества и режима, заставляет быть крайне осмотрительным. Иначе истолковать формулировку «автоматически и непосредственно» практически невозможно.

Чего же хочет добиться Северная Корея принятием этого закона? Объявляет ли она себя окончательно ядерной державой или все же оставляет место для переговоров? Как сообщает *New York Times со ссылкой* на официальные источники в Пхеньяне, по словам Ким Чен Ына, это делает ядерный статус «необратимым» и запрещает переговоры о денуклеаризации. Не стал ли закон ответной реакцией на крупные военные учения Южной Кореи и США в конце августа этого года, в которых приняли участие 28 тыс. военнослужащих США? Возможно, правительству не дает покоя мысль о том, что

попытка США создать в Азии военный альянс с Австралией, Японией и Южной Кореей, направленный против Китая, несет угрозу безопасности и для Северной Кореи? В августе Пхеньян назвал это военное сотрудничество «опасным первым шагом к созданию НАТО в Азии». Не хочет ли страна таким образом заставить весь мир вновь заговорить о себе? Ведь Северная Корея по-прежнему находится в глубокой изоляции и страдает от жестких экономических санкций ООН, введенных из-за ее ядерной программы.

А может, это средство для конфронтации с Южной Кореей? Учитывая непрозрачность северокорейской политики, о реальных целях можно лишь догадываться. Когда в марте этого года президентом Южной Кореи стал «ястреб» Юн Сок Ёль, многие обозреватели ожидали от него политики, направленной на конфронтацию с северным соседом. Южнокорейская политика в течение десятилетий много раз колебалась от конфронтации и сильных вооруженных сил для сдерживания Севера до политики «солнечного света», в которой ставка делалась на мирное сосуществование, денуклеаризацию и экономические стимулы. Интересно и предложение, адресованное Юн Сок Ёлем Северу еще в начале его каденции: «Если Северная Корея действительно приступит к процессу полной денуклеаризации, то мы готовы вместе с международным сообществом разработать смелый план по существенному укреплению экономики Северной Кореи и улучшению качества жизни ее населения».

Северная Корея по-прежнему находится в глубокой изоляции и страдает от жестких экономических санкций ООН, введенных из-за ее ядерной программы

Ответ Пхеньяна последовал незамедлительно: сестра главы государства Ким Ё Чжон в резкой форме отвергла предложение Южной Кореи и посоветовала президенту Юну «заткнуться». Не менее грубой была ее реакция и на более ранние действия Юга. Например, весной 2021 года она распорядилась взорвать центр связи, расположенный на границе между Северной и Южной Кореей. После провала так называемых шестисторонних переговоров между США, Китаем, Россией, Японией, а также Северной и Южной Кореей в конце 2000-х годов и прихода к власти Ким Чен Ына в 2011 году Северная Корея никогда не вела серьезных переговоров о полном отказе от своей ядерной программы. Именно в этом было недопонимание Трампа после его

встреч с Кимом. Опытные наблюдатели и сейчас не ожидают ничего иного. Здесь уместна фраза Альберта Эйнштейна: «Самая большая глупость – это делать то же самое и надеяться на другой результат».

Можно ли вообще себе представить возвращение Северной Кореи в международное сообщество без ядерного оружия? Какие вообще существуют альтернативы для выхода из многолетнего тупика? Если посмотреть на опыт других стран, имеющих ядерные программы вне Договора о нераспространения ядерного оружия, то реакция Северной Кореи не обещает ничего хорошего. Но, по крайней мере, можно представить несколько альтернативных вариантов.

Украинская модель: после фундаментальных политических изменений и развала Советского Союза Украина в 1994 году отказалась от своего ядерного оружия, получив гарантии безопасности со стороны России, Великобритании и США, закрепленные в Будапештском меморандуме. Чего стоят такие гарантии, показало вторжение России. Южная Африка, как и Украина, также отказалась от своей ядерной программы в 1991 году незадолго до падения режима апартеида, уничтожила шесть ядерных бомб и присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия. Можно с уверенностью сказать, что Северная Корея не пойдет на гарантии безопасности, предоставленные некогда Украине. Рассчитывать на такую же реакцию Северной Кореи, как в случае с Украиной или Южной Африкой, – означает полагаться лишь на смену режима. Сдерживание ядерной программы возможно только при очень оптимистическом взгляде на относительно радикальные потенциальные изменения в северокорейском обществе.

Израильская модель: у Израиля есть около 90 ядерных боеголовок. Однако все правительства этой страны до сих пор придерживались принципа «ни подтверждения, ни опровержения». Они ничего не говорят о своем арсенале ядерного оружия. Правительство Северной Кореи ведет себя совершенно иначе и постоянно подчеркивает необходимость и эффективность своего ядерного оружия.

Ливийская модель: Правительство Каддафи в 2003 году закрыло свою ядерную программу и отказалось от разработки ядерного оружия. Но обещанной тогда Ливии нормализации международных отношений так и не случилось. После военного вторжения в 2011 году и свержения Каддафи в стране царит хаос. Ливия может послужить лишь поучительным примером для Северной Кореи.

Ливия может послужить лишь поучительным примером для Северной Кореи

Иранская модель: Договор 2015 года с Ираном – прекрасный пример возможности сдерживания ядерных программ. Но, как известно, США недолго соблюдали этот договор, имеющий обязательную юридическую силу с точки зрения международного права, и разорвали его в 2018 году. Попытки восстановить этот договор длятся по сей день, но не принесли результата. Иранский опыт также воспринимается в Северной Корее как негативный.

Индийская модель: Индия не является членом Договора о нераспространении ядерного оружия и подвергает его критике, называя несправедливым. Но де-факто эта страна признана ядерным государством, и на международном уровне не было попыток оказать давление на Индию и побудить ее к уничтожению почти 150 ядерных боеголовок. Именно над такой моделью задумалось северокорейское правительство. Оно стремится к признанию своей страны де-факто ядерным государством. Поэтому в новом законе о ядерном оружии неоднократно подчеркивается, что «КНДР как ядерное государство, осознающее свою ответственность», стремится защитить себя «от любой войны, в том числе и ядерной». Но, в отличие от Индии, Северная Корея не является признанным на международном уровне демократическим государством.

Напротив, Северная Корея изолирована и ощущает себя загнанной в угол. Поэтому она считает свое ядерное оружие, как сказано в новом законе, «мощным средством защиты своего суверенитета, территориальной целостности и фундаментальных интересов государства в предотвращении войны на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии, а также обеспечения стратегической стабильности в мире». Северная Корея называет себя и свою ядерную программу фактором стабилизации. Режим Ким Чен Ына рассматривает ядерное оружие как страхование жизни.

Чтобы предотвратить или хотя бы замедлить дальнейшее наращивание, международному сообществу придется пойти на непростые компромиссы. Договор 2015 года, заключенный с Ираном после многолетних переговоров, также имел немало существенных изъянов, однако, по крайней мере, предоставил шанс на сдерживание ядерных амбиций. А шансы на то, чтобы склонить Северную Корею к отказу от своего ядерного оружия, ничтожно малы – режим в таком случае понесет слишком большие потери.

Герберт Вульф

Дуйсбург

Профессор, доктор Герберт Вульф (Herbert Wulf) с 1994 по 2001 год возглавлял Боннский международный центр по конверсии (BICC). Он остается ведущим научным сотрудником BICC, а также старшим научным сотрудником института проблем развития и мира в университете Дуйсбург – Эссен, исполнительным директором которого был ранее, а в 2012 – 2013 годах работал в должности старшего научного сотрудника в исследовательском центре Käte Hamburger Kolleg.